

сателе-деревенщике Александре Яшине, старшем друге и наставнике Василия Белова, во всяком случае, главы из неё уже публикуются в сети. Представляется, что и новое произведение пополнит серию «От

где-нибудь – в душе. И потому первая глава названа «Мой Шукшин», в ней своё – незаемное – восприятие творчества героя повести, основанное на своем открытии его. Далее автор заявляет о необходимости Чу-

ков так и пишет о нем: «это и есть шукшинский Разин», «раскалывший разбойники».

О гибели русских деревень говорится в главе «Душа болит», при этом, конечно же, цитируется Шук-

От простой души к вещам

Повесть Дмитрия Ермакова «От земли. Василий Шукшин»

земли», и это вновь будет повесть-отзвук.

Однако обратимся к книге о Шукшине. Автор в предисловии, которое озаглавлено переосмысленной фразой героя повествования: «Важно прорваться в будущую Россию», а именно «Прорваться в Россию нынешнюю», замечает: «Эта книга – не жизнеописание. Эта книга – размышление о личности Василия Макаровича Шукшина». Он убежден: «Прорвемся в Россию нынешнюю – останемся в будущей!».

Отзвук предполагает что-то сугубо личное, то, что отзывается не

дика – типичного шукшинского героя, у которого «простая душа»: «Спасибо чудикам. Они нужны, необходимы эти люди, сохранившие в себе детства. Но страшно, если все же забудется эта простая душа».

Второй главный шукшинский герой – Стенька Разин, о нем роман «Я пришёл дать вам волю», о нем так и не состоявшийся фильм Шукшина. Одна из глав книги так и называется «Он пришёл дать нам волю», в ней не только о Разине. А разве Егор Прокудин, герой легендарной «Калины красной», не сродни все тому же Разину? Дмитрий Ерма-

шин: «Душа болит? Хорошо, что болит, значит, она живая...».

Взаимоотношениям Шукшина и Белова, двух Василиев, немало отводится места в книге – их дружбе, перепалкам, творческим перекилкам. Проводится и такая параллель: «Шукшина Разин захватил и не отпускал, Белов же переболел замыслом написать об Иване Болотникове, ещё одном герое-бунтаре.

Приводится в книге важный для лучшего понимания личности и творчества Шукшина документ – записки актера Георгия Буркова, который признавался: «Шукшин оказал на меня огромное духовное влияние».

Привлекают к себе внимание главы о роковой невесте двух знаковых фигур русской литературы – Шукшина и Рубцова. Если верить воспоминаниям Сергея Юнченко, Шукшин и Рубцов физически встречались – выпивали в одной компании. Однако «настоящей встречи всё-таки не случилось, души не совпали».

Важно, как отразилось творчество Василия Шукшина в музыке, в знаменитых «Перезвонах» Валерия Гаврилина. И об этом идёт речь в рецензируемой книге.

Много места в ней уделяется духовной совместности, казалось бы, несоместимых друг с другом двух гениев российского кинематографа – Василия Шукшина и Андрея Тарковского. Оказываются, они не только учились вместе, снимались в одном учебном фильме, но и творчески пересекались: «От Рублева до Разина – / Русский размах».

Есть в книге главы: «В местах прекрасных и строгих» (по сути, Шукшин и Вологодчина), «Шукшин-боксер», «Шукшин и смерть» (для развития этой темы автор считает необходимым привести целиком один из шукшинских рассказов – «Жил человек»).

«Каждый писатель – похож на свою родину», – так начинается глава «Писатель и родина», в ней о Белове, Яшине, Абрамове, Рубцове и, конечно, о Шукшине, которого долго не отпускали родные Стрости.

Есть ещё главы, названия которых говорят сами за себя: «Материнское сердце», «В жизнь вечную». А название последней главы перекликается с названием одной из первых: «Простая душа» (необходимость Чудика) и «Вещная душа» (необходимость Шукшина). От простой души к вещам – так и двигается эта книга: «Вещная душа его прозревает прошлое, видит будущее».

В книге также можно обнаружить «Важные даты жизни В.М. Шукшина» и вступительную статью редактора этого издания Алексея Бусса, процитируем её финал: «Отзвук – это не эхо, это не повтор или пересказ. Отзвук – это слово или нота, вернувшийся измененными или сказанными или сыгранными по-новому. Мне представляется, что это – ценнее, чем самое дотошное и виртуозное следование партитуре. Потому что это и есть искусство».

Александр БАЛТИН

Столько музыки!

Рассказы Игоря Михайлова

механизм или свежая рана; смеются, как дети... и плачут, как они же, лишённые родителей... или – повод для смеха.

Великолепный людской космос, и – шаровая людская взвесь.

Иногда рассказ посвящён конкретному человеку, и он – сквозь призмы юмора и окуляры эсхатологии – показан с такой смачной прелестью и точностью, что можно с ним выпить, как с Михалычем, или, посмеявшись, пожелать помочь, как Генке Балагурову...

Вот он – Михалыч: весь крутой и крупный, тёртый: жизнь старалась, обрабатывая шероховатыми ладошками, северно-кричащий, дабы заглушить ветви व्यог, привычных в его широтах; вот он – забавный, и в чём-то героический: всё пишет и пишет, пусть не читает никто...

«Из машины Михалыч уверенным шагом пошёл в противоположную от местной газеты «Сенеж» сторону. Если бы Михалыч не был человеком, то он был бы, наверное, танком».

А вот – трагедия настигает комедию и, используя фактуру фарса и бурлеска, предстаёт пред читателем сложное взаимодействие жанров, подразумеваемая сострадание к Генке Балагурову, но никто не страдает, ибо:

«Мой однокурсник по МГПИ имени Ленина Генка Балагуров обитает в Королёве.

Плавают Балагуров в этом космическом пространстве, как карась на колхозном рынке, тычась в мутные стенки аквариума.

Полуслепой Генка с линзами такого огромного калибра, что похож на муху под увеличительным стеклом.

За человека его никто всерьёз не принимает. Каждый норвит попытку его носом, как котёнка в кучу, либо отмахнуться, либо газетой пристукнуть».

Генка, словно выпав из Чехова и пролетев зигзагами лент Леонида Андреева, выскочил в современности... Игоря Михайлова, равнонашей.

Генка жалок не в большей мере, чем жалки люди, не желающие замечать его, помогать ему; здесь рассказ, постепенно проходя ступенями юмора, поднимается до плато трагического исследования бытия, ибо на вопрос: зачем существует такой Генка со всем набором признаков – от полуслепоты с огромными окулярами очков до бытийной нелепости – не ответить.

Пострашнее «Постороннего» Камю – учитывая очевидно доброе сердце Генки.

Сквозь рассказы Михайлова проступает онтологический костяк стоического отчаяния; капсулы римского трагизма раскалываются о русскую дурь-действительность, которую можно только перетерпеть.

...Сложное ощущение: писатель будто на градус, на волос сдвигает привычный полюс бытия, и ты, читатель, словно идёшь по Калинову мосту, не предполагая, что ожидает.

Отгнетная сморожина ассоциаций вспыхивает невероятным напряжением, завораживая.

Музыкальная упитательность фраз, плотно насыщенных метафорами и необычностью авторского видения яви:

«Все – тут. Янтарного цвета пятисленок на улице Луначарского смотрит в свое парящее над землей отражение, будто сникот из пропитателя. И вдоль берега, сливаясь с жидким оловом колеблющейся зеркальной глади, – похожие на водяных жуков деревянные баркасы, как руки, разбросавшие по сторонам весла на уключинах. Линия берега, сливающаяся с линией горизонта, три ивы у воды, перевернутые, будто венки, который отмачивают в кадлушке в бане».

Янтари небесные вспыхивают – благосклонны к ювелирно-ёмким и таким пронзительным текстам.

Столько музыки предлагает Михайлов!

То джазовая синкопа взорвётся, то провинциальная балайка предложит шаровой перебор, то многотольный орган подарит корабельное плавание, то фортепианные пассажи разольются, причём лаковый плавник крышки рояля тоже непременно будет взят фокусом изобразительного искусства.

Раствор рассказов Михайлова благородно перенасыщен метафорами, серебряными нитями соединёнными с юмором и фило-

софией жизни, самой экзистенциальностью – безнадежной, как ноябрьский рассвет, как жалобный писк выброшенного котёнка, как любимые – не восстановишь, часы, как множество всего, таящегося в нас и окружающего нас.

Рассказы Михайлова с любовью наполнены русскими городами: казалось бы, порой – глухими дырами, а в каждом – рассыпаны перлы впечатлений, ощущения блещут, бликут, как красивая живая вода; хоть и заборы кривые, и в кафе кофе такого качества, что впору удавиться с тоски.

Необычные метафоры писателя, порой абсурдные, часто раскрываются крыльями волшебных стрекоз, замирающих над вечно текущим нашим миром...

...Не представляете Брыковы горки? Просто одно из миллионов российских мест, деревня с древней историей: брыкливой была, да отбрыкалась, умирает теперь деревенька, захваченная – лишь отчасти, не всерьёз, без мамеева нажима – торговой восточной...

В рассказах Михайлова столь великолепно разлитое нечто неуловимое, не поддающееся определению и филологическому анализу, что, погружаясь в их миры, самой алхимической сущностью сердца ощущаешь: вот прозы высоты...

зонанс в России и была переиздана в Воронеже, в Иркутске, в Иркутске. Потому что это – воспоминания очевидца, современника событий страшных, жестоких».

Да, воспоминания яркие, честные, и они увеличивают объём достоверных свидетельств о жизни наших соотечественников в начале XX столетия, в переломную для России эпоху. При этом надо понимать, что эти свидетельства могут отличаться от иных, оставленных другими очевидцами – людьми, судьбы которых сложились совсем иначе. Автор книги, Игнатий Каллинирович Волегов – родом из семьи богатых староверов, и чувствуется, что основательный казачий уклад ему по сердцу. Но, читая о том, как богато и щедро жили казаки сибирские и, особенно, уссурийские, невольно вспоминаю я своих предков. Они как раз – переселенцы с Украины, приехали во Владивосток с Киевщины в степных вагонах в 1906 году. Затем сплавлялись по Уссури на плотах, основали на северо-востоке Приморского края деревню Марьяновку. Люди это были основательные, работающие, со строгим семейным укладом. Только вот разбо-

Чтобы помнили

О книге воспоминаний Игнатия Волегова, изданной его дочерью

гатеть и даже просто зажить крепким хозяйством не получилось. Прадеда моего Сильвестра забрали на Первую Мировую, откуда вернулся он тяжело раненным. Попытка с братом да сыном-подростком хоть какой-то дом поставить, да упал с лестницы, придавило бревном. Вскоре он скончался. Оставшись вдовой, прабабушка Харитина жила в землянке с тремя детьми, перебиваясь с хлеба на воду. Какое там мясо! Молока не видели. Спасала тайга и рыбалка. И таких семей в Марьяновке тогда было немало. Богатые, конечно, тоже были. У них-то белогвардейцы и останавливались. А родня моя в нормальный дом перебралась только в 1925 году, уже после революции.

Опять же, не возражайте тому, что «Россию грабили все, кому не лень». Грабили! И экономический ущерб для государства от деятельности этих грабителей был велик. Здесь, на Дальнем Востоке, в ту пору особенно нагревала руки Российско-Американская компания, созданная «под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством» и призванная развивать регион. Увы, вела эта компания колониальную торговлю с таким размахом всевозможных махинаций, успешно покрываемых министерством иностранных дел Российской империи, что нынешним «реформаторам» и не снился. До сих пор не верится, что капитан первого ранга Невельский сумел победить тогдашнюю всемогущую коррупцию и вопреки ей прирастил Россию Приамурьем и Приморьем. Большая тема...

Относительно дружного сосуществования приморцев с китайцами в те времена тоже не всё так гладко. Вездесущие банды хунхузов пристально следили за тем, как русские и украинские переселенцы устраивались, распахиwały пустоши, растили урожаи, как устраивались на шахты, добывали руду. Улучив момент, бандиты с завидной регулярностью совершали набеги, забывая все добытое и выращенное, а самими переселенцев нередко вместе с детьми распинали на воротах, казнили самой лютой казнью в страшных традициях средневековья. В самом Владивостоке существовал китайский квартал «Миллионы» (он и сейчас так называется), и это был самый криминальный район, куда даже полиция боялась заходить. В начале двадцатого века китайцев в городе по неофициальным данным было в разы больше, чем русских.

И только чудом удалось избежать китайского бунта, в котором русское население могло почти полностью погибнуть. Китайцы приграничья и сегодня внушают, что Приморье – это «их земля», несправедливо отжата хитрыми русскими...

Гражданская война принесла горькие, тяжкие испытания для народа нашего. В песне поётся: «Мы на Тихом океане свой окончили поход» – это так, и красные, и белые.

Крови во время этого похода было пролито столько, что даже сейчас, спустя более чем столетие, примирение и покаяние никак не наступает, несмотря на все призывы. Есть у нас на Дальнем Востоке на Русском острове простёрленный крест – памятник эпохе, когда свершившимися событиями ранены были навзлет все русские. И те, что ушли навсегда с флотилией адмирала Старка, и те, что остались.

Но все не идет из памяти моей слова правнука адмирала Невельского, с которым мы встретились в Омске в 2013 году: «Когда вам будут говорить о благородстве Колчака, не забывайте о сибирских мужиках, расстрелянных и запертых шомполами его подчиненными. Их были тысячи, и народ это помнит». Это сказал человек, за плечами которого – семь поколений дворян, государственных, соратников Петра Первого и Екатерины Великой. Человек, в роду которого – двадцать генералов и адмиралов. Его трудно обвинить в необъективности. И эти слова, эти свидетельства – тоже о событиях страшных и жестоких, о временах суровых испытаний Русской земли, русского человека.

Однако заключим. Воспоминания могут отличаться, но любовь к Родине – одна. И эта нить неразрывно связывает русских людей по всей планете, на всех континентах: в Европе и Японии, в Америке и Австралии, в Африке и Канаде. Русские без России – особая тема и особая боль. Те, кто уехал не за лучшей сытной

жизнью, а спасая детей и себя. Кто всю жизнь был вынужден выбирать: быть своими среди чужих или чужими среди своих. Кто терпел и вновь обретал дом, обживая новые места. Эти судьбы и сегодня, спустя сотню лет, отражают время и выбор, который они ставят перед каждым из нас. И каждое свидетельство времени уникально, как уникален человек, его оставивший.

Какое сердце не тронут эти слова?

«22 декабря 1922 года стал для нас днем глубокой грусти. Его не забудет ни один из участников Дальневосточной Белой Армии. Да его забыть нельзя никому, кто хотя бы немного любил свою Родину. В этот день только тот не заплакал, кто стыдился своих слёз и боялся показывать свою слабость другим. Подобная выдержка была почти невыносима, она ложилась тяжелым камнем на сердце, отчего у многих случился шок: их охватило оцепенение, и они впади в непробиваемое молчание».

В этот день полк Игнатия Волегова отошел к границам Китая. Свою Родину они видели в последний раз...

И снова думаешь с тяжелой грустью о прочитанном. Понимая, что слиты воедино и три символа: Вера, Царь и Отечество, и революционный Петроград, и Ледяной поход – всё это неизбежно наше, родное. То, что нужно хранить и передавать потомкам.

Чтобы помнили. И «с гордостью считали себя русскими».

ЭПОХИ

Дмитрий СИЛКАН

«Послевкусие»

нагрузки и переработки... Но всё равно – это может стать относительным выходом, только если повезёт! Потому как денег могут не заплатить вовсе: отработали – молодцы! А теперь ждите, мол, у моря погоды, когда финансы на зарплату появятся. Полгода, год... а потом объявление банкротства работодателем – и не поминайте лихом!

Но лихом новых социальных экспериментаторов поминали часто. И кастрировали, как только могли. А отругавшие – начинали что-то придумывать... порой даже ловчить (жить-то надо!). Попытаться скольким карасём протиснуться сквозь убойственную сеть мрачных водорослей, всходящих из смрадной пены пресловутой Перестройки.

Таких примеров в книге Подольского немало...

Теперь на стипендию не выжить в принципе, не то, что при «соведении»! А потому талантливая, подающая надежды студентка Настя, главная лирическая героиня, – подаётся танцевать стриптиз в ночном клубе (для бандитов и мелких бизнесменчиков – тех, кому временно повезло приспособиться к окружающему «трэшу» чуть больше). На учебных парах в институте она ожидаемо спит: просто валится с ног от вынужденной бессонницы... Ну а куда деваться?

Осуждение окружающих? Да что вы! Скорее – зависть. Другие студенты рвут по ночам спины на разгрузке мешков, а нечистым на руку финансистам – вся собственность, вкуче с будущими дивидендами.

А что делать? Ведь и сам ВУЗ подвергается значительной переделке: «до девяносто годов двадцатого века в преподавательских кругах и не преподавали, что преподаются специалисты по банкротству предприятий». Да и зачем их было банкротить при классической политической экономии развитого социализма? Но теперь все советские экономические схемы – огульно на свалку! Рынок, мол, всё сам решит... за всех...

И ведь порешал же, зарезав... да почикал! Обанкротил успешные заводы и уникальные фабрики, более чем рентабельные шахты, рудники и прииски; радостно дал скупить их потом нуворишам за сущие копейки; оставил без работы и средств к существованию уйму грамотных профессионалов; продал на металлолом уникальное оборудование; разместил в цехах вонючие толкучки с некачественным забугорным ширпотребом... и прочая, и прочая, и прочая.

А вузовское светило в сфере экономики, ранее блистательно защитившее диссертацию по социалистическому хозяйствованию, сначала пытается руководить кружком для старшекурсников «аналитика экономики», «чтобы подготвить их

к быстро меняющимся условиям в экономической сфере».

Но такая сфера меняется столь стремительно и нахраписто, что вскоре идейный в прошлом преподаватель высшей школы идёт работать в контору, что занимается выцгибыванием у простых работяг акций – опять-таки исключительно легально, в строгом соответствии с новыми законами!

Директор ушёл конторки с порога заявлял учёному мужу: мол, зря променял свою науку на... хм, я не знаю, как тут выразиться без обсценной лексики. Мол, вспомни как «из государственного предприятия акционерное общество создавали в начале девяностых». Вот где ширь, вот где размах! Какое-то определение «ограбление века» по отношению к хилому паровозу, перевозящему наличные где-то в США в позапрошлом веке? Тут на ближайшую тысячу лет ничего более циничного, наглого и захватывающего воображение по размаху просто не может уже случиться в принципе! Раз даже сейчас, уже как бы со стороны, на данную мега-аферу без дрожи и трепета и взглянуть невозможно. Хоть просто сухие цифры пробегав глазами.

Совсем другой накал возникает, когда информация идёт непосредственно от беспристрастного свидетеля событий, что называется – «изнутри»! Тут же описание не отдельной разовой акции, бредовой с точки зрения государственных интересов, а попытка беспристрастно отображения воистину всё сметающего цунами – в геометрической

прогрессии умножающего хищные метастазы так называемой «эпохи первоначального накопления капитала» на заре Новой России.

Главный герой романа на новом месте работы получает довольно будничные инструкции: «когда завод создавали статус акционерного общества, включали в акционеры всех работников завода».

Ну а дальше всего лишь требуется «провести дополнительный выпуск акций по закрытой подписке на большую сумму. Все вновь выпущенные акции приобретают опять же вы, причём количество вновь выпускаемых акций или их стоимость должны настолько увеличить ваш контрольный пакет, что акции остальных акционеров не будут играть никакой роли при принятии любого решения».

Крайними всё равно останутся честные работники, поверившие громким перестроечным лозунгам. Те самые, что в надежде прокормить голодных детей ломать здоровье на нескончаемых переработках: «Вы можете провести принудительный выкуп акций. То есть выкупить все оставшиеся у других акционеров ценные бумаги... независимо, хотя они этого или нет. Так прописано законом. Или реорганизовать акционерное общество в общество с ограниченной ответственностью, где вы будете единственным учредителем. В любом случае – вы полноправный хозяин и собственник предприятия».

Подобную реальную схему, «удачно» обкатанную на гуляй-полях 90-х, Анатолий Подольский описывает не одну!

Прочитав книгу, почему-то подумалось: если господина Чубайса когда-нибудь всё-таки вернут в Россию (пусть не в кандалах, а в личном люкс-самолёте с массажистом), то можно даже и не припоминать ему уже набившие оскомину ваучеры. Книги Анатолия Подольского вполне хватит для окончательного обвинительного приговора. Тем более, что писательское свидетельство в данном случае достойно полного доверия.

Впрочем, перед нами не пыльные тома уголовного дела, а роман «Послевкусие». Горькое, конечно, послевкусие он оставляет... Ну да не все лекарства есть смысл подслащать!

...Жаль, конечно, газетный объём не позволяет приписать здесь побольше ярких цитат. Даже в кратких фрагментах романа – и то вырисовывается лихой детективный сюжет с визжащим от иступления надрывно-финансовым вокалом!

Но придётся уже подытожить: возможно, новая книга Анатолия Подольского – одна из ожидаемых первых ласточек в художественном осмыслении того величайшего национального позора, что переживала наша страна вплоть до самого начала спасительных двухтысячных!

Дай Бог, чтобы Державе продолжала своё неуклонно-поступательное возрождение! Да неизбежное избавление от сладкоголосой пены забугорных недругов и привнесённых ими ущербных иллюзий.

А «Послевкусие» – вполне может стать предостережением для новых поколений. Чтобы не покупались на смертоносные печеньки, раздаваемые со злорадной ухмылкой на вымысле самоубийственных майданов.